

KAREL ČAPEK: Válka s mloky (1936)
Книга druhá. Po stupních civilizace (Dějiny Mloků)

Zkrátka, ať dobře či špatně, dovedli Mloci mluvit téměř všemi jazyky světa podle toho, na kterém pobřeží žili. Tehdy vyšel u nás (tuším v *Národních listech*) článek, který se (zajisté právem) trpce tázal, proč se Mloci neučí také česky, když už jsou na světě Salamandři mluvící portugalsky, holandsky a jinými jazyky malých národů. Náš národ nemá sice bohužel svého mořského pobřeží, avšak i když nemáme svého moře, neznamená to, že bychom na světové kultuře neměli stejného, ano v mnohém ohledu i důležitějšího podílu než mnozí národové, jejichž řeči se učí tisícové Mlokův. Bylo by jen spravedливо, aby Mloci poznali také náš duchovní život; ale jak se o něm mohou informovat, není-li mezi nimi nikoho, kdo by ovládal náš jazyk? Nečekejme, že někdo na světě uzná tento kulturní dluh a zřídí stolici češtiny a československé literatury na některém mločím učelišti. Jak praví básník, „nevěřme nikomu na světě širém, nemáme jednoho přítele tam“. Postarejme se o nápravu, volal článek. Jak se zdá, nejeví naše ministerstvo pro zahraničí mnoho zájmu o náležitou propagandu našeho jména a našich produktů mezi Mloky, ačkoliv jiní a menší národové věnují milióny na to, aby otevřeli Mlokům své kulturní poklady a zároveň vzbudili jejich zájem o své průmyslové výrobky. – Článek vzbudil značnou pozornost hlavně ve Svazu průmyslníků a měl aspoň ten výsledek, že byla vydána malá příručka *Česky pro mloky* s ukázkami z československého krásného písemnictví. Zní to snad neuvěřitelně, ale této knížky se opravdu prodalo přes sedm set výtisků.¹

¹ *Srov. fejeton z pera Jaromíra Seidla-Novoměstského, uchovaný ve sbírce pana Povondry.*

Война с саламандрами (перевод А. Гуровича, 1938).
Книга вторая. По ступеням цивилизации (История Саламандр)

Словом, плохо ли, хорошо ли, но саламандры стали говорить почти на всех существующих языках, в зависимости от того, на чьем побережье они жили. В чехословацкой печати, кажется в «Народних листах», появилась тогда статья которая (вполне основательно) с горечью спрашивала, почему саламандры не изучают также и чешский язык, если есть на свете земноводные, говорящие по-португальски, по-голландски и на языках других малых наций. Наша нация не имеет, к сожалению, собственных морских берегов, но если у нас нет своих морей, то это еще не значит, что мы не вносим в мировую культуру такую же, а во многих отношениях даже более значительную лепту, чем многие нации, языки которых изучаются тысячами саламандр. Было бы только справедливо, если бы саламандры познакомились с нашей духовной жизнью, но как могут они приобщиться к ней, если среди них нет никого, кто владел бы нашим языком. Не будем ждать, пока кто-нибудь поймет свой культурный долг и учредит кафедру чешского языка и чехословацкой литературы в одном из саламандровых учебных заведений. Как говорит поэт: «Не надо верить никому на свете, нет у нас там друга – нет ни одного». Постараемся же сами исправить дело, – взывал автор статьи. Но, видимо, наше министерство иностранных дел не уделяет должного внимания пропаганде нашей культуры и нашей продукции среди саламандр, хотя другие малые нации жертвуют миллионы, чтобы открыть перед саламандрами сокровищницы своей культуры и в то же время пробудить в них интерес к изделиям своей промышленности». – Эта статья возбудила большое внимание главным образом в Союзе промышленников и имела по крайней мере тот результат, что был издан краткий учебник «Чешский язык для саламандр» с примерами из чехословацкой изящной литературы. Это звучит неправдоподобно, но книжка действительно разошлась в количестве свыше семисот экземпляров.¹

¹ *Приведем в связи с этим сохранившийся в коллекции pana Повондры очерк, принадлежащий перу Яромира Зейдела-Новоместского.*

NAŠ PŘÍTEL NA OSTROVECH GALÁPAGOS

Konaje se svou chotí, básnířkou Jindřiší Seidlovou-Chrudimskou, cestu kolem světa, abychom kouzlem tolika nových a mohutných dojmův aspoň částečně přežili bolestnou ztrátu naší vzácné tetinky, spisovatelky Bohumily Jandové-Strešovicové, dostali jsme se až na osamělé, mnohými bájemi opředené ostrovy Galápagos. Měli jsme toliko dvě hodiny času, i použili jsme jich k procházce po pobřeží tohoto pustého souostroví.

„Hleď, jak překrásně dnes zapadá slunce,“ pravil jsem k své choti.

„Pán ráčí být Čechem?“ ozvalo se nenadále za námi správnou a ryzí češtinou.

Pohlédli jsme překvapeně oním směrem. Nebyl tam nikdo, jen veliký černý Mlok seděl na balvanech drže v ruce něco, co vypadalo jako kniha. Během své cesty kolem světa jsme spatřili již několik Mlokův, ale neměli jsme dosud příležitosti dáti se s nimi do řeči. Proto laskavý čtenář pochopí náš podiv, když jsme se na pobřeží tak opuštěném setkali s Mlokem, a nadto zaslechli otázku v naší rodné řeči.

„Kdo zde mluví?“ zvolal jsem česky.

„Byl jsem tak směl, pane,“ odvětil Mlok. „Nemohl jsem odolati, slyše poprvé v životě český hovor.“

„Jakže,“ užasl jsem, „vy umíte česky?“

„Právě jsem se bavil časováním nepravidelného slovesa býti,“ odtušil Mlok. „Toto sloveso jest totiž nepravidelným ve všech jazycích.“

„Jak, kde a proč,“ naléhal jsem, „jste se naučil česky?“

„Náhoda mi zanesla do rukou tuto knihu,“ odvece Mlok a podal mi knížku, kterou držel v ruce; bylo to *Česky pro Mloky*. „Dostala se sem se zásilkou kněh obsahu poučného. Mohl jsem si vybrati *Průvodce po Dolomitech* nebo *Zásady bimetallismu*. Zvolil jsem si však tuto knížku, jež se mi stala druhem nejmilejším. Znáám ji již celou z paměti, avšak nalézám v ní stále nové zdroje zábavy i poučení.“

НАШ ДРУГ НА ГАЛАПАГОССКИХ ОСТРОВАХ

Совершая кругосветное путешествие, предпринятое мною вместе с моей супругой, поэтессой – Генриэттой Зейдловой-Хрудимской, в надежде, что под наплывом многочисленных новых и глубоких впечатлений хоть несколько изгладится боль горестной утраты, понесенной нами в лице нашей дорогой тетушки, писательницы Богумилы Яндовой-Стрешовицкой, мы посетили далекие, овеянные столь многими легендами Галапагосские острова. У нас было всего два часа времени, и мы воспользовались ими для прогулки по берегам этих пустынных островов.

- Взгляни, какой прекрасный закат солнца, - обратился я к своей супруге.

- Пан изволит быть чехом? - раздалось за нами на чистом и правильном чешском языке.

Мы удивленно обернулись на голос. Там не было никого, только большая черная саламандра сидела на камне, держа в руке какой-то предмет, похожий на книжку. Во время нашего путешествия мы встретили уже несколько саламандр, но не имели до сих пор случая вступить с ними в беседу. Любезный читатель поймет поэтому наше изумление, когда на таком пустынном побережье мы увидели саламандру, да еще к тому же услышали вопрос на нашем родном языке.

- Кто здесь разговаривает? - воскликнул я по-чешски.

- Это я взял на себя смелость, - ответила саламандра. - Я не мог совладать с собой, услышав впервые в жизни чешскую речь.

- Откуда, - поразился я, - вы знаете чешский язык?

- Я как раз сейчас развлекался спряжением неправильного глагола "быть", - ответила саламандра. - Между прочим, этот глагол неправильно спрягается на всех языках.

- Как, где и для чего, - допытывался я, - научились вы по-чешски?

- Мне случайно попала в руки эта книга, - ответила саламандра, протягивая мне книжку, которую она держала. Это был *Чешский язык для саламандр*. - Она попала сюда, - продолжала саламандра, - вместе с партией других книг научного содержания. Я мог выбрать себе *Путеводитель по доломитовым пещерам* или *Принципы биметаллизма*. Но я предпочел эту книжку, которая сделалась моим неразлучным другом. Я уже знаю ее всю наизусть и все-таки каждый раз нахожу в ней новые источники развлечения и полезных знаний.

Moje paní i já jsme projevili svoji nelíčenou radost i podiv nad jeho správnou, ba téměř srozumitelnou výslovností. „Bohužel není zde nikoho, s kým bych mluvil česky,“ pravil náš nový přítel skromně, „a nejsem si ani jist, je-li sedmý pád od slova kůň koni nebo koňmi.“

„Koňmi,“ řekl jsem.

„Ó ne, koni,“ zvolala moje paní živě.

„Byl byste tak laskav a řekl mi,“ tázal se náš milý besedník horlivě, „co jest nového ve stověžaté matičce Praze?“

„Ta roste, příteli,“ odvětil jsem potěšen jeho zájmem a několika slovy jsem mu nastínil rozkvět naší zlaté metropole.

„Jak radostné jsou to zvěsti,“ pravil Mlok s netajeným uspokojením. „Zdalipak ještě visí na Mostecké věži utáaté hlavy popravených českých pánův?“

„Už dávno ne,“ řekl jsem mu, poněkud (přiznám se) překvapen jeho otázkou.

„To jest věru škoda,“ mínil sympatický Mlok. „Byla to vzácná historická památka. Bud' bohu žalováno, že tolik znamenitých památek vzalo zaslav ve válce třicetileté! Neklamu-li se, byla tehdy země česká obrácena v poušť, zbrocenou krví a slzami. Ještě štěstí, že tehdy nevyhynul genitiv záporu. V této knížce stojí, že prý jest na vymření. Bylo by mi toho velmi líto, pane.“

„Vás tedy upoutaly i naše dějiny,“ zvolal jsem radostně.

„Zajisté, pane,“ odušil Mlok. „Zejména pohroma bělohorská a třistaletá poroba. Četl jsem o nich velmi mnoho v této knize. Jste zajisté velmi hrdi na svou třistaletou porobu. Byla to veliká doba, pane.“

„Ano, těžká doba,“ přitakal jsem. „Doba útisku a hoře.“

„A úpěli jste?“ ptal se náš přítel s dychtivým zájmem.

„Úpěli, trpíce nevýslovně pod jařmem sveřepých utiskovatelů.“

„To jsem rád,“ oddechl si Mlok. „V mé knize to právě tak stojí. Jsem velmi potěšen, že to jest pravda. Rád bych jednou stanul na památném místě, kde byli popraveni čeští páni, jakož i na jiných slavných místech krutého bezpráví.“

Моя супруга и я выразили неподдельную радость и изумление по поводу правильного и, в общем, довольно внятного произношения саламандры. - К сожалению, здесь нет никого, с кем я мог бы говорить по-чешски, - скромно сказал наш новый друг, - а я, например, не уверен, как будет творительный падеж множественного числа от слова *дверь* - *дверями* или *дверьми*.

- Дверями, - сказал я.

- Ах нет, дверьми! - воскликнула моя супруга.

- Не будете ли вы так любезны сказать мне, - спросил с горячим интересом наш милый собеседник, - что нового в стобашенной матушке Праге?

- Она разрастается, мой друг, - ответил я, обрадованный его любознательностью, и в нескольких словах обрисовал ему расцвет нашей золотой столицы.

- Как приятно- слышать такие вести, - сказала саламандра с явным удовлетворением. - Скажите, висят, ли еще на Мостовой башне головы казненных чешских панов?

- Что вы, давно уже нет, - ответил я, признаюсь, несколько озадаченный таким вопросом.

- Ах, как жалко! - воскликнула симпатичная саламандра. - Это был редкостный исторический памятник. До чего грустно, что столько известнейших памятников погибло во время Тридцатилетней войны! Если не ошибаюсь, земля чешская была превращена в пустыню, залитую слезами и кровью. Счастье еще, что не погиб тогда родительный падеж при отрицаниях. В этой книжке говорится, что он отмирает. Я был бы этим очень огорчен.

- Вы, значит, увлекаетесь и нашей историей? - радостно воскликнул я.

- Конечно, - ответила саламандра. - Особенно белогорским разгромом и трехсотлетним порабощением. Я очень много читал о них в этой книге. Вы, несомненно, чрезвычайно гордитесь своим трехсотлетним порабощением. Это было великое время, сударь.

- Да, тяжелое время, - подтвердил я, - время неволи и горя.

- И вы стонали? - с жадным интересом осведомился наш друг.

- Стонали, невыразимо страдая под ярмом свирепых угнетателей.

- Я очень рад, - облегченно перевела дух саламандра. - В моей книжке так и сказано. Я очень рад, что это правда. Я охотно побывал бы на том историческом месте, где были казнены чешские паны, равно как и в других знаменитых местах, где вершилось жестокое бесправие.

„Měl byste se k nám podívat,“ navrhl jsem mu srdečně.

„Děkuji za laskavé pozvání,“ klaněl se Mlok.

„Bohužel nejsem tak dalece ve svých krocích volen...“

„My bychom vás koupili,“ zvolal jsem. „Chci říci, snad bychom národní sbírkou mohli opatřit prostředky, jež by vám umožnily...“

„Nejvroucnější díky,“ mumlal náš přítel zřejmě dojat. „Slyšel jsem však, že vltavská voda není dobra. My totiž trpíváme v říční vodě nemilou úplavicí.“

„A co byste vzkázal, pane – pane –“

„Jmenuji se Boleslav Jablonský,“ upozornil nás Mlok ostýchavě. „Jest to po mém mínění krásné jméno, pane. Vybral jsem si je ze své knížky.“

„Co byste, pane Jablonský, vzkázal našemu národu?“

Mlok se na chvíli zamyslel.

„Řekněte svým krajanům,“ pravil posléze s hlubokým pohnutím, „řekněte jim... aby nepropadli staré slovanské nesvornosti... a aby chovali ve vděčné paměti Lipany a zejména Bílou horu! Nazdar, má poklona,“ skončil náhle, snaže se přemoci své city.

Odjížděli jsme člunem zamyšleni a dojatí. Náš přítel stál na skalisku a kynul za námi rukou...

- Так приезжайте к нам, - предложил я от всего сердца.

- Благодарю за любезное приглашение, - поклонилась саламандра. - К сожалению, я не столь свободен в своих передвижениях...

- Мы могли бы купить вас! - вскричал я. - То есть я хочу сказать, что при помощи национальной подписки можно было бы собрать средства, которые позволили бы вам...

- Искреннейше благодарю вас, - пробормотал наш друг, явно растроганный. - Но я слышал, что в Влтаве - неважная вода. В речной воде мы заболеваем тяжелой формой поноса.

- А что бы вы хотели передать, пан... пан... -

- Мое имя Болеслав Яблонский, - застенчиво подсказала саламандра - По-моему, это красивое имя. Я его выбрал себе из моей книжки.

- Так что нам, пан Яблонский, передать от вашего имени нашему народу?

Саламандра на мгновение задумалась.

- Скажите своим соотечественникам, - проговорила она с глубоким волнением, - скажите им... Пусть не предаются старым славянским раздорам и пусть благодарно хранят в памяти Липаны и в особенности Белую Гору! Доброго здоровья! Честь имею кланяться! - внезапно оборвала она, стараясь справиться со своим волнением.

Мы сели в лодку и отчалили, растроганные и погруженные в раздумье. Наш друг стоял на скале и махал нам...